

3. Gonzenbach, William J. *The Media, the Presidency, and Public Opinion: A Longitudinal Analysis of the Drug Issue, 1984–1991*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.
4. Iyengar, Shanto, and Donald R. Kinder. *News That Matters*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
5. Jeffres, Leo W. *Mass Media Effects*, 2nd ed. Prospect Heights, IL: Waveland, 1997.
6. McCombs, Maxwell E., and Donald L. Shaw. “The Agenda-Setting Function of Mass Media.” *Public Opinion Quarterly* 36 (1972): c.176–187.
7. McCombs, Maxwell E., and David H. Weaver. “Voters’ Need for Orientation and Use of Mass Communication.” Paper presented at the International Communication Association, Montreal, Quebec, 1973.
8. Yagade, Aileen, and David M. Dozier. “The Media Agenda-Setting Effect of Concrete versus Abstract Issues.” *Journalism Quarterly* 67 (1990): c.3–10.
9. Zucker, Harold. “The Variable Nature of News Media Influence.” In Brent D. Ruben, ed., *Communication Yearbook* 2. New Brunswick, NJ: Transaction, 1978, c. 225–240.

СЫТЫХ Е.Л.,
г. Челябинск

ВОПРОСЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Светский характер власти является доминантой политики большинства современных стран. Тем не менее, дискуссии относительно необходимости влияния религии на политику продолжаются до сих пор. Кто-то видит в увеличении этого влияния путь к духовному возрождению, а то-то – дорогу к гибели государства. Для России, находящейся после крушения СССР в поисках национальной идеи, эти дискуссии также представляются

актуальными. В этой связи особенно ценным представляется опыт государств, сделавших конфессиональный фактор основой политического устройства. Таким ярким примером представляется история Ливана. Политическая система этого государства зиждется на очень хрупком балансе этнических и религиозных сил. Ее институты базируются на конфессиональном принципе разделения власти между различными общинами. Ливанская модель государственного устройства так и называется «конфессионализм» и является уникальным для мира опытом урегулирования разнообразных этноконфессиональных интересов. Именно поэтому изучение того, насколько успешен или не успешен данный опыт, представляется актуальным, в том числе и для многонациональной и поликонфессиональной России.

Ливан в политическом плане – страна уникальная, на территории в 10 тысяч кв. км проживают представители около 17 крупных религиозных общин и политическая власть в стране разделена по конфессиональному признаку. Причем так называемая консоциативная форма организации общества складывалась еще до оформления современной ливанской государственности. Термин «консоциативность» ввел в научный оборот Аренд Лейпхарт [11]. Консоциативность представляет собой принцип организации власти, основанный на сотрудничестве в рамках сложившейся институциональной структуры политических элит, представляющих различные относительно автономные сегменты общества; соблюдение принципа консоциативности позволяет поддерживать достаточно высокий уровень национального единства, а также добиться стабильности демократии в стране с фрагментированной политической культурой. Подобное устройство имеет глубокие исторические основы, корнящиеся в социальной структуре общества.

Благодаря своему удобному географическому положению Ливан являлся перекрестком между Востоком и Западом, а значит и ареной

противостояния различных этнических и религиозных сил. В основном Ливан был исламским, но в его северной части традиционно проживали христиане-марониты.

До начала XX века ливанские территории были неотъемлемой частью Османской империи. В начале XX века в результате ослабления Османской империи эта область отошла французам, которые в 1920 году объявили о возникновении новой страны «Великий Ливан». В 1926 году в этой стране была принята конституция. Государство Ливан было образовано в 1943 г., в это время страна обрела независимость от Франции. В это же время и была создана «ливанская модель» государственного устройства или «конфессионализм». Между элитами было заключено неписанное соглашение, которое называется «Национальным Пактом». Национальный Пакт предусматривал политическую систему, согласно которой должность президента закреплялась за христианами-маронитами, премьер-министра – за суннитами, а председателя парламента – за шиитами. Пакт регулировал места в парламенте, министерские посты, армейские и административные должности. Данное политическое устройство обеспечивало более или менее равный доступ к верховной власти для всех религиозных конфессий.

На 2006 г. население Ливана насчитывало 3 млн. 925 тыс. Основную его массу Ливана составляют арабы – 95 % жителей. При этом Ливан является своеобразным островком христианства в мусульманском мире. Несмотря на то, что статистические данные относительно Ливана крайне противоречивы, можно говорить, что христиане составляют 33-35% населения страны, мусульмане-шииты – 29-31,5%, мусульмане-сунниты – 29-30%, друзы – около 5%. По другим данным, шиитская община Ливана насчитывает 38% населения страны [1]. Но в 1920-е гг., при французском мандате, христиан было больше половины. На территории Ливана сосуществуют около шести христианских церквей – маронитская (западносирийская), халдейско-католическая, мелькитская

(грекокатолическая), армяноправославная, армянокатолическая, сирокатолическая и коптокатолическая. Также существует немногочисленная иудейская община. Однако с течением времени мусульманское население стало преобладать и требовать изменения сложившейся государственной структуры. Это отчасти является причиной внутривосточных конфликтов, которые переживал Ливан за историю своего существования.

Самая многочисленная мусульманская община Ливана – шииты – сосредоточены, главным образом, в пограничной с Сирией восточной части долины Бекаа, а в пограничном с Израилем Южном Ливане составляют 80 % населения. Южноливанские шииты стали костяком «Партии Аллаха» («Хезболла»), которая признана США и рядом других стран террористической организацией и при этом представлена в ливанском парламенте (23 из 128 депутатских мест), располагает мощными СМИ, сетью социально-благотворительных учреждений по всему Ливану и является наиболее влиятельной общественно-политической силой страны. Несколько меньшие доли населения Ливана составляют сунниты и исмаилиты.

Среди христиан самой заметной общиной являются марониты. Приверженцы маронитской христианской церкви проживают главным образом в Ливане и небольшими группами в Сирии, Египте и на Кипре. Маронитские религиозные общины возникли в V – VII веках в Северо-Западной Сирии в процессе расколов восточной христианской церкви. В XIII – XVI веках маронитская церковь признала верховенство Ватикана, сохранив восточный ритуал, богослужение на арамейском языке и брачующееся белое духовенство. Глава маронитов с 1954 назначается Ватиканом, имеет резиденцию в Ливане. Французский колониализм покровительствовал именно маронитской общине и оказывал ей постоянную поддержку. Это привело к превращению религиозных расхождений между христианами и мусульманами в острые противоречия, в сильную взаимную неприязнь между маронитской общиной и мусульманами [3].

Еще одной заметной религиозной общиной Ливана являются друзы. Друзы – арабы, приверженцы мусульманской секты, являющейся одним из ответвлений исмаилизма, совмещающей принцип единобожия с утверждением о том, что Бог раскрывает себя в ряде последовательных перевоплощений. Название «друзы» происходит от имени мусульманского проповедника Ибн Исмаила ад-Дарази, проповедовавшего в начале XI в.

Согласно конституции, Ливан является парламентской республикой. Законодательная власть представлена Ассамблеей представителей – парламентом Ливана, который состоит из 128 депутатов, избираемых прямым голосованием на пятилетний срок. В Ассамблее заседают 64 мусульманина (27 суннитов, 27 шиитов, 8 друзов и 2 алавита) и 64 христианина (34 маронита, 14 греческих православных, 8 греческих католиков, 5 армянских православных, 1 армянский католик, 1 протестант, а также ещё 1 по усмотрению). Парламент избирает президента, утверждает состав правительства, утверждает законы и бюджет республики.

Президент (маронит) избирается Ассамблеей представителей на 6-летний срок, причем одно лицо не может дважды занимать этот пост. Дважды в истории это правило нарушалось: в 1995 на 3 года был продлен срок пребывания у власти Элиаса Храуи, а также в 2004 президентские полномочия до 23 ноября 2007 были продлены для Эмиля Лахуда. Президент, по представлению парламента, назначает премьер-министра (суннита) и его первого заместителя. После консультаций с президентом и парламентом премьер-министр формирует кабинет министров также по принципу религиозного квотирования.

В соответствии с конфессиональным делением в Ливане зарождались и политические партии, которые по большей части имеют религиозный характер. Христианские, суннитские, шиитские, друзские партии борются не друг против друга, а за места в пределах заранее определённых конфессиональных квот. В каждой из конфессий исторически сложилось

несколько противостоящих друг другу политических сил. Партийные списки построены по конфессиональному признаку, а внутри партийных списков места распределяются по клановому принципу. В то же время, конфессионально-клановое деление Ливана имеет географическое отражение: приверженцы одного клана, как правило, компактно населяют определённый район и традиционно выдвигают одного и того же представителя [11].

Ливан также обладал и обладает развитым интеллектуальным ресурсом. Граждане республики образуют по всему миру многочисленные диаспоры, экономический статус которых повсеместно поддерживается на приемлемом уровне. Выходцы из Ливана, как правило, занимают руководящие посты в бизнесе, формируют устойчивую часть деловых кругов, широко вовлечены в рыночные операции, нередко создают элитарную прослойку в инациональных культурных стратах. Денежные трансферты от «зарубежных» ливанцев перманентно образуют существенную часть поступлений в бюджет, создают высокую инвестиционную активность в рекреационно-туристическом бизнесе и, отчасти, в производстве.

Таким образом, понимание политического устройства Ливана не возможно без анализа конфессионального состава страны.

Исследователи выделяют несколько характерных черт ливанской политической системы, что и составляет сущность консоциативной формы организации общества:

- свобода выбора в принятии решений со стороны элит политических групп;
- консенсус при выработке политических решений;
- автономизация и раздельное сосуществование общинных групп;
- определенное сотрудничество элит, представляющих эти группы;

- достаточная «гомогенность» политической культуры общества в целом, несмотря на его пестрый демографический состав [3].

Данная система обеспечила относительное равновесие в ливанском обществе лишь в середине XX века, с 1943 по 1975 годы. В 1975 г. благополучие сменилось разрушительными событиями гражданской войны. В 30-е годы конфессиональные группы имели чёткие ареалы расселения. Соответственно, политические силы также характеризовались территориальной оседлостью. Однако к середине 70-х годов политические силы перестали отражать этнические различия и больше соответствовали интересам основных семей, кланов и группировок.

До гражданской войны 1975 – 1990 гг. Ливан был процветающим государством, финансовой и банковской столицей арабского мира, за что получил неофициальное название «Ближневосточная Швейцария». Это лестное название Ливан получил потому, что был крупнейшим банковско-финансовым центром региона, на который «замыкались» мощные транзитные финансовые потоки из Европы в арабские нефтедобывающие районы. В государстве существовала развитая финансовая инфраструктура, привлекавшая капиталы и инвестиции из индустриально развитых государств, что создавало условия для бурной биржевой и иных форм деятельности денежного капитала. Хотя гипертрофированное функционирование финансового капитала обусловило появление структурных перекосов, тем не менее, удавалось добиться сбалансированного развития за счет компенсации доходами от банковского бизнеса дефицита поступлений от других видов хозяйственной деятельности [2].

Относительно небольшие размеры страны позволяли в довоенный период поддерживать устойчивые межотраслевые связи и внутрихозяйственные отношения и сохранять достаточно высокую

активность на внутреннем рынке. Ливан также пользовался популярностью среди туристов.

Но, несмотря на внешнюю стабильность, Ливан был чрезвычайно хрупкой системой. Масса различных обстоятельств препятствовала установлению в стране нормальной жизни. В основном все противоречия сводились к религиозным и классовым. Ливанскую экономику контролировали представители нескольких богатых семей, в основном крупных землевладельцев и торговцев. Государственные посты распределялись между представителями различных религий, причем высшие должности были «зарезервированы» за христианами-маронитами. Представители среднего класса, состоявшего из мусульман-суннитов, а также крестьяне-шииты таким положением были недовольны и время от времени протестовали, но до серьезных столкновений дело обычно не доходило.

Эта система постоянно порождает трения между ливанскими общинами. Ведь конституция составлялась в те времена, когда христиане составляли большинство населения, а демографическая ситуация имеет свойство меняться, и по состоянию на конец прошлого века мусульман было уже около 55 % [11]. Партия христиан-маронитов, Фаланга, вела борьбу за сохранение существующей системы. Данные политико-демографические проблемы, спровоцированные переделом власти между разными частями мозаичного общества, стали одной из причин гражданской войны 1975 – 1990 гг. Нараставшее имущественное, экономическое и политическое неравенство внутри этой структуры в период процветания Ливана дало повод к попытке перераспределить властные полномочия в ходе применения военной силы для разрешения гражданских противоречий.

Гражданская война в Ливане закончилась в 1989 году. В ходе кровопролитного конфликта, продолжавшегося 15 лет, погибли свыше 100 тысяч ливанцев, столько же было ранено, а Бейрут был полностью разрушен.

И по сей день Ливанское общество состоит из различных сил, которые делятся по конфессиональному признаку, и поиски баланса между их интересами продолжаются до сих пор. Правительственный кризис в Ливане превратился в перманентное состояние страны. И ливанские политические силы демонстрируют свою полную несостоятельность в его урегулировании. В соответствии с Таифскими соглашениями, подписанными в 1989 г. и положившими конец гражданской войне, на смену конфессионально-этническому принципу формирования палаты депутатов должен прийти национальный принцип. Декларируется постепенная отмена этноконфессиональных различий в общественных организациях, судебной власти, армии; существующие принципы представительства сохраняются лишь на высших должностных постах [1]. Тем не менее, ликвидация конфессиональной системы объявляется национальной целью Ливана, в силу того, что она является основной причиной неэффективного функционирования органов государственной власти и дестабилизирующим фактором в ливанском обществе. По сей день не было предпринято каких-либо существенных шагов по осуществлению этой программы. Неудивительно, что система сталкивается с новыми вызовами. На данный момент она не способна справиться с конфликтами, связанными с глубокой фрагментацией ливанского общества по этноконфессиональным и социальным линиям.

Таким образом, нестабильность ливанского общества, как в современном мире, так и в историческом прошлом, объясняется несколькими причинами.

- Фрагментированность ливанского общества по конфессиональному признаку. Следовательно, необъемлемой чертой политики, является необходимость постоянного поиска новых путей усовершенствования механизмов функционирования политической системы и достижения национального согласия.

- Ливан фрагментируется и в зависимости от политических вкусов, фактически делящие страну на две части сообразно ориентации на Запад или на мусульманский мир.

- Высокая клановость ливанского общества, которая прямо или косвенно воздействует практически на все аспекты жизнедеятельности ливанцев. От лица той или иной общины говорят зачастую представители вполне определенных семей, которые не выражают точку зрения всей общины или даже ее большинства.

- Геополитическое положение Ливана, наличие общих границ с Сирией и Израилем, обусловило значительное влияние извне и интернационализацию местной конфликтности. Ливан выполняет роль не только политического, но и экономического буфера между Сирией и Израилем, подвергаясь соответствующему воздействию с обеих сторон.

Возвращаясь к ответу на вопрос, может ли служить ситуация в Ливане неким предупреждением другим поликонфессиональным странам, стоит отметить и уникальность политического устройства этой страны, и типичность многих проблем, с которыми она сталкивается. Уникальность состоит в том, что в основу политического устройства положен именно конфессиональный фактор, который требует постоянного поиска компромисса между многочисленными религиозными группами. Опыт Ливана показал, что на незначительном отрезки времени подобный тип устройства может стать основой стабильности и процветания, но также легко может ввергнуть государство в серьезный и затяжной конфликт. Причем интересен тот факт, что относительная этническая однородность этой страны (большинство населения составляют арабы) сочетается с чрезвычайной пестротой религиозных вероисповеданий.

Типичность ливанской ситуации проявляется в том, что это не единственное сегментированное по конфессиональному признаку общество. Также, как и во многих других государствах, разные сегменты общества

могут иметь различные экономические и геополитические интересы, которые, в конце концов, становятся причиной внутривнутриполитической нестабильности и поводом для внешней экспансии (например, Югославия). Многие государства с межконфессиональной напряженностью имеют такое геополитическое положение, которое делает их полем столкновения многих интересов и объектом внешнеполитического вмешательства. Многие из названных факторов существуют и в России, или же в отдельных ее областях (наиболее очевидный пример – Кавказские республики). Именно поэтому пристальное изучение причин конфессиональных конфликтов в других государствах, а также способов предотвращения и урегулирования этих конфликтов поможет понять внутривнутриполитическое положение России и предостеречь от многих неприятностей.

Литература

1. Беренкова Н. А. Правительственный кризис в Ливанской республике как отражение противоречий конфессиональной политической системы [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_berenkova.htm ?
2. Гасратян А. В. Проблемы социально-экономического развития Ливана: 1970 – 2000 гг.: дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 – М., 2004.
3. Дадиани Л.Я., Шумихин А.Ю. «Ливанизация» как модель этносоциальной конфликтности и положение в зоне Кавказа: сопоставительный анализ. – М., 1994.
4. Демченко П. С. Ливанский узел // Наука и религия. – 1991. – №4.
5. Зубов А.Б. Политическая культура Ливана: прошлое и настоящее конфессиональной демократии // Народы Азии и Африки, 1983, № 2.

6. Мадо Исса. Религиозно-этнические общности маронитов и друзов в политической истории Сирии и Ливана (до 1861 года). – М.: РАН. Институт востоковедения, 1990.
7. Мельников Е.Н. Политический и государственный строй Ливана. – М., 1974.
8. Модестов С. А. Геополитика ислама. – М., 2003.
9. Нажем Сами Анис. Проблемы социально-экономического развития Ливана (70 80-е годы). – М.: РАН. Институт востоковедения, 1995.
10. Перепелкин Л.С. Типология этнических конфликтов. Ближний Восток: история и современность. – М.: Наука, 1997.
11. Проскурникова Т. Ю. Модель консоциативной демократии в условиях этноконфессиональной фрагментации: сравнительный анализ опыта Ливана и Ирака: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02.- Москва, 2009.
12. Шайрян Б.З. Этноконфессиональный конфликт. Ливан// Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М.: Наука, 1991.

Фадеичева М.А.,
г. Екатеринбург

МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСУРСНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЯГКОЙ ВЛАСТИ

Доклад подготовлен при поддержке Гранта РФФИ (РГНФ)-Урал, 2013, № 13-13-66001 а(р) «Разработка теоретической модели государственных региональных ресурсов soft power в современной политической науке».

Проблема власти и форм ее осуществления, выбора способов управления может быть отнесена к числу философских, то есть вечных проблем. Изменения объекта властных отношений, возникновение новых особенностей управляемых систем приводит к поискам все более

930